

РЕЦЕНЗИИ

Е.Н. Барябина

ИЗОЛЯЦИЯ КАК НАКАЗАНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКИХ И ЗАПАДНЫХ ТРАДИЦИЙ

**Маколи М. Дети в тюрьме / Пер. с англ. Е. Мишкинюк.
М.: ОГИ, 2008. 216 с. ISBN 978-5-94282-462-4.**

Мэри Маколи — известная британская исследовательница, историк и социолог, доктор политических наук, посвятившая более десяти лет изучению состояния пенитенциарных учреждений в России и поддержке российских неправительственных организаций, осуществлявших проекты, связанные с реформой пенитенциарной системы, возглавляя Фонд Форда в России в 1996–2002 годах. Ее книга «Дети в тюрьме» — отражение сформировавшегося в результате многолетних исследований твердого убеждения автора в неразумности и жестокости практики заключения детей, выводов о необходимости и возможности реформирования существующей негуманной и неэффективной системы наказания в России, опережающей европейские страны по числу молодых людей, лишенных свободы.

Тему кризиса системы наказания не назовешь новой для российских исследователей — сомнения в эффективности кары и, следовательно, идеи о необходимости либерализации уголовного права вообще и, прежде всего, по отношению к детям, отстаивались активно еще в начале прошлого века российскими криминологами социологической школы уголовного права [Гилинский, 1996]. Наиболее ярко, по всеобщему признанию современных девиантологов, эти идеи были отражены в работах М.Н. Гернета — известного дореволюционного российского криминолога, рассматривающего преступность как продукт политического и общественного устройства

[Гернет, 1974]. Громадное значение придавалось бедности как фактору детской преступности и ответственности, долгу общества перед ребенком: «Не остается ли общество в долгу перед теми, кого оно начинает увещевать лишь у подножия эшафота, кого оно начинает кормить лишь в тюрьме, воспитывать лишь в исправительных колониях, кому она начинает говорить слова долга лишь за высокими стенами тюрьмы, под охраной тюремной стражи...?» [Дети-преступники, 1912. С. 4]. Гернет отстаивал гуманистические позиции и поддерживал такие прогрессивные институты, как детские суды, реформатории, условно-досрочное освобождение. Наказание же, по его мнению, может быть лишь крайним средством, к которому следует обращаться с великой осторожностью в случаях, когда никакое другое средство не может помочь. Оно, безусловно, вредно, считал он, если используется ранее, чем были испытаны все предупредительные меры [Гернет, 1974].

По известным идеологическим причинам идеи эти могли получить развитие в России только в постсоветское время. Оценку наиболее распространенных в современной России форм социального контроля как неадекватных генезису и закономерностям девиантного поведения мы можем обнаружить в работах Я. Гилинского [Гилинский, 1991; 1992].

Безусловное отличие и достоинство книги М. Маколи заключается, по нашему мнению, в том, что автор попытался изложить знания, накопленные за более чем столетнюю историю изучения противоправного поведения молодежи и способов его контроля, таким образом, чтобы уроки истории могли быть в максимальной степени использованы сегодняшними российскими реформаторами-практиками. В терминологии М. Буравого, рецензируемая работа имеет, бесспорно, «публичный характер» [Буравой, 2008], поскольку отражает не только научную рефлексию одного из наиболее проблемных аспектов детского неблагополучия, но и анализ возможных способов решения проблемы с учетом сегодняшних политических и социокультурных российских условий. Кроме того, издание изначально ориентировано на внеакадемическую аудиторию.

Введение к основному содержанию книги создает у читателя впечатление реального вхождения в мир российской колонии для несовершеннолетних благодаря тому, что оно наполнено эмоционально насыщенными наблюдениями автора, яркими портретами колонистов, отрывками из сочинений детей, описывающих свою жизнь в колонии и рассуждающих о своем будущем. Опираясь на свои собственные впечатления от посещения колоний, рассуждения воспитанников колоний, а также аналитические выводы ученых-экспертов, в том числе российских, автор делает выводы о неоправданности использования лишения свободы для детей и формулирует два основных исследовательских вопроса, определивших структуру содержания рецензируемой книги. Вопрос первый: «Почему в России по-прежнему так много несовершеннолетних заключенных?». Вопрос второй: «Как можно изме-

нить существующую систему — и в каких направлениях, — чтобы меньше подростков оказывалось за решеткой?» [С. 23–24].

Введение знакомит нас с логикой всего содержания книги в целом: аргументированное доказательство неэффективности лишения свободы детей как «воспитательной стратегии»; анализ причин использования Россией преимущественно карательного подхода в настоящее время; описание отечественного и зарубежного опыта использования иных подходов к ювенальной преступности, альтернативных карательному; авторский взгляд на стратегию реформы политики по отношению к детям, находящимся в конфликте с законом, необходимой для сокращения числа несовершеннолетних заключенных.

Глава I «Уголовная юстиция и благополучие детей» — попытка автора в сжатой форме дать читателю представление о происхождении, назначении и сущности системы уголовной юстиции как института социального контроля и вместе с тем попытка убедить читателя в неадекватности уголовного правосудия как инструмента контроля проблемного поведения детей. Автор предлагает для обсуждения ряд аргументов, призванных для доказательства неприемлемости использования понятия «преступность» при определении поведения детей, несправедливости уголовного законодательства по отношению к молодежи и его неэффективности. Опираясь на анализ результатов криминологических исследований, сравнительных исследований различных систем ювенальной юстиции и статистических данных, автор утверждает, что применение тюремного заключения не влияет на уровень ни взрослой, ни молодежной преступности. Использование лишения свободы как наказания в отношении детей может только увеличивать уровень преступности, поскольку снижает значительно возможности дальнейшей успешной социализации. Карательному подходу противопоставлен «велферизм», или «социально-поддерживающий подход», утверждающий первостепенную необходимость для детей не наказания, а перевоспитания, поддержки и формирования личности.

Определены основные цели реформы системы наказания, диктуемые социально-поддерживающим подходом: 1) снижение числа поступков детей, квалифицируемых как «преступление»; 2) повышение возраста наступления уголовной ответственности до 18 лет; 3) создание ведомств, осуществляющих контроль за детьми в случаях совершения ими проступков, не являющихся преступлениями; 4) в случае наступления уголовной ответственности несовершеннолетнего использование специальных процедур и практик правосудия, адекватных идее перевоспитания и социальной ответственности за несовершеннолетних, создание ювенальных судов; 5) использование лишения свободы только как крайней меры, приоритет применения альтернативных санкций [С. 43–45].

Содержание главы «Столетний путь России (1890–1990)» посвящено анализу изменений политики по отношению к детям, нарушающим закон, происходившим на протяжении XX века. Автор сравнивает динамику этих

изменений с движением маятника между карательным и социально-поддерживающим подходом. Выделено шесть временных периодов изменений: конец XIX века, дореволюционный период XX века, 1920-е годы, сталинский период 30–50-х годов, хрущевская оттепель 60-х годов; брежневский период 70–80-х годов. Особенности каждого периода проанализированы с точки зрения пяти наиболее важных факторов, определяющих, с точки зрения Мэри Маколи, характер обращения с несовершеннолетними, нарушившими закон: перечень «преступлений», возраст уголовной ответственности, наличие служб, осуществляющих социальную поддержку, тип системы уголовного правосудия и разнообразие санкций [С. 66–67].

Автор показывает, что карательной политике конца XIX века с телесными наказаниями и каторгой для детей уже в начале XX века реформаторами был противопоставлен принцип воспитания и социального патронажа. Постереволюционное время названо периодом «необузданного велферизма», связанного с отменой, правда, на короткое время, судов и тюрем для несовершеннолетних и созданием комиссий по делам несовершеннолетних, назначавших вместо наказания в большинстве случаев меры медико-педагогического воздействия, соответствующие новой идеологии социального контроля через воспитание и труд в коллективе. Однако ужесточение партийно-государственного контроля и волна репрессий сталинского периода (30–50-е годы) не могли не сказаться и на положении детей – были упразднены комиссии по делам несовершеннолетних, возраст уголовной ответственности снижен до 12 лет.

1960-е годы М. Маколи характеризует как период смягчения контроля. Анализ периодических изданий, в том числе юридических, позволяет автору сделать вывод о существовании в российском профессиональном сообществе того времени мощного реформаторского лобби, активность которого привела к ряду существенных изменений в юстиции по отношению к несовершеннолетним: вновь возраст уголовной ответственности был повышен до 16 лет (14 лет в особо серьезных случаях), введено обязательное для судей рассмотрение педагогических мер, возрождены комиссии по делам несовершеннолетних. Однако речь уже не шла, как в 1920-е годы, о замене наказания воспитанием. На смену идеологии 20-х годов «воспитания вместо наказания», пришла идеология «наказания как средства исправления и перевоспитания». Брежневский период «застоя» с точки зрения автора оказался застоєм и для уголовной политики по отношению к детям. Социальная защита несовершеннолетних, нарушающих закон, приобрела ритуальный характер.

В главе «*Противоречивый мир в конце XX века*» Мэри Маколи анализирует разнонаправленные тенденции формирования принципов, стратегий и практик ювенальной юстиции европейских стран и Америки. С одной стороны, принципы социальной ответственности за благополучие детей, в том числе и нарушающих закон, необходимость применения к детям мер, преимущественно не связанных с лишением свободы, нашли свое отражение

в ряде международных конвенций. В качестве альтернативы традиционной системе уголовного правосудия формируется и активно используется в ряде стран восстановительное правосудие, опирающееся на использование различных практик примирения. Суть данного подхода не рассматривается детально. В центре внимания автора скорее противоположные тенденции — критика велферизма и ужесточение наказания, в том числе и для несовершеннолетних, характерные для США и Англии.

Безусловно, интересен анализ социокультурных, экономических и политических факторов возрождения карательного подхода в Америке и ряде европейских стран. В качестве значимых обсуждается влияние на общество нового потребительского образа жизни; «моральный индивидуализм» respectable среднего класса; стремление политиков продемонстрировать обществу свою активность в решении проблемы преступности. Среди причин, которые можно назвать парадоксальными, — оборотная сторона, казалось бы, безусловно позитивных особенностей социального устройства. Демократический принцип свободы и равенства личностей требует жестких санкций к тем, кто не соответствует образцу. Отсутствие уважения к статусу в обществе равноправия способствует исключению ценностей «уважения» и «достоинства» из обращения с заключенными.

В следующем разделе (Глава IV «*Постсоветское устройство*») Мэри Маколи возвращается к анализу ситуации в России и характеризует постперестроечное десятилетие как «потерянное» для возможных изменений в российской ювенальной юстиции, несмотря на присоединение к международным конвенциям и активность ряда ученых и общественных деятелей, предлагавших новую концепцию правосудия для несовершеннолетних, опирающуюся на приоритет социально-профилактического подхода, внедрение элементов восстановительного правосудия. Во многом выводы М. Маколи созвучны результатам исследования трансформации официального дискурса и практик контроля противоправного поведения несовершеннолетних на протяжении советского и постсоветского периода М. Головизниной, которая также указывает на карательный характер современных практик работы с подростками в пенитенциарных учреждениях, соответствующих, согласно М. Фуко, в значительной степени характеристикам хорошего тюремного состояния [Головизнина, 2005].

Выделены ключевые факторы, определяющие высокую вероятность использования лишения свободы в качестве меры наказания для несовершеннолетних: законодательство, ориентированное на взрослых; отсутствие достаточно эффективной системы социально-поддерживающих учреждений, способных стать альтернативой системе уголовной юстиции; отсутствие закона о ювенальной юстиции и ювенальных судах; отсутствие нормативной поддержки введения альтернативных санкций и службы пробации.

Обращаясь к мнению экспертов, специалистов, в том числе пенитенциарных учреждений, Мэри Маколи делает заключение о том, что, несмотря на

ряд позитивных изменений в регламенте функционирования воспитательных колоний для несовершеннолетних, улучшение условий содержания, принципиальных изменений не произошло. Отбывание срока в колонии и сейчас не перевоспитывает подростка, не способствует его личностному и культурному росту, скорее напротив – способствует деструктивным изменениям в здоровье физическом и психическом, разрушению родственных и социальных связей. Преодоление консерватизма российского правительства и сотрудников правосудия, по мнению автора, – задача, требующая, прежде всего, объединения сообщества специалистов и активистов реформы, которые в открытой дискуссии с привлечением ответственных политиков должны сформировать четкую программу и стратегию реформирования системы уголовного правосудия для несовершеннолетних.

Показав, что за истекшее столетие для России могли быть приемлемыми разные подходы, автор считает полезным для современных российских реформаторов не копирование, но изучение опыта других стран. В качестве наиболее адекватных для российской социокультурной и политической среды рассматриваются реформы, осуществленные в трех странах: Германии, Италии и Финляндии (гл. V «*Опыт других стран*»). Эти страны близки России с точки зрения соотношения трех основных структур, отвечающих за обращение с несовершеннолетними, – системы уголовного правосудия, государственных служб и общественного сектора. Все они добились низкого уровня тюремного заключения для несовершеннолетних за счет выведения как можно большего числа дел из системы уголовного правосудия, депенализации, использования альтернативных санкций, осуществляемых преимущественно социальными службами, как государственными, так и негосударственными.

Безусловно, наше внимание привлекут особенности в практиках реализации данной стратегии. В Германии – развитая система уголовного правосудия с сильной социально-поддерживающей ориентацией в отношении несовершеннолетних, широкий спектр назначаемых мер – общественные работы, штрафы и воспитательное обучение в качестве приоритетных, краткосрочное задержание, условный тюремный приговор и тюремное заключение как реже всего используемая мера. В Италии – ювенальные суды с прикрепленными к ним службами по делам несовершеннолетних, велика роль местных властей в осуществлении реабилитационных программ для подростков. В Финляндии – роль службы пробации и введение закона о ювенальном наказании, сочетающем надзор, реинтеграционные программы и труд. Во всех трех странах в тех ли иных вариантах используются программы восстановительного правосудия, предлагающие взамен формального решения суда возмещение ущерба и примирение между жертвой и правонарушителем.

В заключительной главе «*Что делать?*» обсуждаются различные взгляды современных российских реформаторов на то, какие именно меры позволят в России ограничить применение заключения для подростков. Опираясь на результаты сравнительного исследования, Мэри Маколи формулирует ряд

собственных рекомендаций по поводу стратегии реализации реформ. Автор рассматривает предложения российских активистов о введении в судебную систему ювенальных судов с детскими специалистами, и более широко — ювенальной юстиции как института защиты прав, свобод и интересов ребенка; изменении роли КДН; широком внедрении восстановительного правосудия. На наш взгляд, эти предложения заслуживают более внимательного анализа. (За подробной информацией о концептуальных основаниях и практическом опыте внедрения элементов ювенальной юстиции, накопленном в России за последнее десятилетие, читатель может обратиться к публикациям специалистов РБФ НАН и центра «Судебно-правовая реформа», ссылки на которые можно найти в библиографическом приложении к книге.)

По мнению М. Маколи, приоритеты реформ, направленных на сокращение заключений, должны быть связаны с изменением законодательства, ограничением роли уголовного правосудия, пересмотром роли милиции и прокураторы, созданием социальных служб и служб пробации для работы с подростками, наделением КДН координирующими функциями, введением эффективных альтернатив лишению свободы [С. 187–196].

Трудно не согласиться с автором в том, что кардинальные изменения в российской политике, в том числе и по отношению к детям, невозможны без поддержки и инициатив президента. Добиваться же этого предлагается с помощью открытого и активного обсуждения возможных путей изменений с привлечением профессионалов и общественности. Постоянное обращение автора к анализу статистических данных, результатам количественных и качественных исследований, мнениям специалистов и выводам экспертов, а также высказываниям самих детей, оказавшихся в изоляции, позволяют охарактеризовать рецензируемую книгу как надежный информационно-аналитический источник, которым могут воспользоваться участники дискуссии, набирающей силу и драматический характер на сегодняшний момент. В июне 2009 года участники 2-й Всероссийской конференции «Ювенальная юстиция в Российской Федерации», прошедшей в Москве, поддержали необходимость совершенствования гражданского судопроизводства, в котором затрагиваются интересы детей, и формирования в России ювенальной юстиции как системы [См.: Всероссийский информационный интернет-портал «Ювенальная юстиция в России»]. Однако эти предложения специалистов, апробировавших в своей деятельности элементы ювенальных технологий и получивших доказательства их эффективности, встретили активное неприятие и сопротивление в определенных кругах общественности. Утверждения: «Нам не нужна ювенальная юстиция», поскольку она «чужда российской культуре и менталитету» и «направлена на разрушение российской семьи», — никак не основаны на глубоком знании предмета обсуждения. Тем не менее сегодня мы их можем обнаружить на интернет-порталах, в бесплатных изданиях, «заботливо» разложенных по почтовым ящикам, и даже на уличных рекламных билбордах [Троянский конь ювенальной

юстиции, 2006; Ювенальная юстиция... 2009; Ювенальная юстиция в России ... 2009; Ювенальная юстиция: за и против... 2010]. В данной ситуации материалы, изложенные в работе Мэри Маколи, приобретают особую актуальность и востребованность.

Рецензируемая книга – не академическое издание, она адресована, по замыслу автора, широкому кругу читателей, но, прежде всего, тем, кто может прямо или косвенно содействовать осуществлению обсуждаемых реформ, то есть политикам, профессионалам, журналистам. Однако отнести данное издание к жанру популярной литературы довольно сложно. Текст книги очень насыщенный, требует внимательного прочтения и не допускает перелистывания. Вместе с тем, учитывая мультидисциплинарный характер исследования М. Маколи, с уверенностью можно рекомендовать издание широкому кругу специалистов, чья профессиональная деятельность так или иначе может быть связана с проблемами детей, нарушающих закон, – педагогам и специалистам по социальной работе, юристам, социологам, журналистам, государственным служащим. И, безусловно, материалы книги могут быть использованы в учебных программах подготовки специалистов данного круга.

Список литературы

Буравой М. За публичную социологию // Общественная роль социологии / Под ред. П. Романова Е. Ярославской-Смирновой. М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2008. С. 8–52.

Всероссийский информационный интернет-портал «Ювенальная юстиция в России» www.juvenilejustice.ru.

Гернет М. И. Избранные произведения М.: Юридическая литература, 1974.

Гилинский Я. И. Социальный контроль в современном обществе: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы социологии девиантного поведения и социального контроля. М.: ИС РАН. 1992. С. 39–59.

Гилинский Я. И. Социология девиантного поведения и социального контроля // Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. М.: «На воробьевых» совместно с Институтом социологии РАН, 1996. С. 485–515.

Гилинский Я. И. Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 72–78.

Головизнина М. В. Генеалогия социального контроля противоправного поведения несовершеннолетних в пенитенциарном учреждении России // Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.: Сб. науч. ст. / Под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярославской-Смирновой. Саратов: Научная книга: ЦСПГИ, 2005. С. 313–342.

Дети-преступники: Сб. ст. с 15 фотографиями и с приложением библиографических указателей / С предисл. и под ред. М. Н. Гернета. М.: В. И. Знаменский и Ко, 1912.

Троянский конь ювенальной юстиции. Часть 1 / Православие.Ru // <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/605.htm>.

Ювенальная юстиция в России – Мы против // <http://juvenilejustice.ru/>.

Ювенальная юстиция: благо или разрушение? Мнения экспертов // http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=23&idArt=1587.

Ювенальная юстиция: за и против: опрос мнений, 18 марта 2010 года // <http://www.newsland.ru/Polls/Detail/id/476328>.

Елена Николаевна Барябина
канд. социол. наук, доцент кафедры социальной антропологии
и социальной работы
Саратовского государственного технического университета
электронная почта: bariabina@mail.ru
